

Елена
МАРКОВА
г. Петрозаводск

НАКАНУНЕ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ

(К 70-летию поэта Александра Васильева)

Живёт рядом с тобой человек, пишет стихи, а ты пишешь о его стихах, за что он, худенький, вежливый, как-то при встрече поблагодарил тебя. Вы встречаетесь на собраниях Союза писателей, он рядом и так далеко... И вот он уходит, уходит навсегда, и надо о нём написать: юбилей! И ты знаешь, насколько поразительны его стихи, и почти ничего не знаешь о нём как о человеке Александре Петровиче Васильеве. Мог бы о нём рассказать друг, но и он, поэт Владимир Судаков, почти сразу ушёл вслед за ним... Спасибо дочери Анне – побеседовала с ней по телефону. Кстати, о ней самой я уже что-то знала благодаря стихотворению «Дуэт», предысторию которого она рассказала: «В каком это было году?.. В 1989-м ... Мы шли: папа, Игорь, совсем маленький, в коляске, и я, дошкольница. Так хотелось погулять там, на площадке, куда стремились мальчишки, перелезая через маленький заборчик. Но одной гулять нельзя, и я грустно напевала что-то о заборчике, которому больно: все о него стучаются». Видимо, тогда было больно её отцу, так больно, что на песенку дочери его душа отозвалась так:

– Ах, заборчик ты мой! –
Эта дочка придумала песню.
– Ах, заборчик ты мой! –
Мне такая прилась ко двору.
– Ах, заборчик ты мой! –
Выводила Аня прелестно.
– Ах, заборчик ты мой! –
Под которым я завтра помру.

Почему так безысходно горько? Начнём по порядку: родился Александр Васильев 5 мая 1953 года, весной. А в его снах и видениях отпечатались и позднее проявились в стихах зимние пейзажи: «...сквозь метельный мрак/ Плывет куда-то в сером море/ Сорокатрубный наш барак...» («Сон о нашем бараке»). «Да, – подтверждает Анна Александровна, – не один год прожили в петрозаводском бараке». И добавляет: «Правда, он почти до школы жил в деревне, в Занонежье, в Липовицах у деда с бабушкой».

Верно: есть такая точка на поэтической карте Васильева. И хотя опять строки запечатали февраль и дым («Дымные сугробы / Дома февральские по крышу замели, / Казалось мне, что ниткою

суровой / Пришито небо к краешку земли ...»), эта «картинка детства» дарует поэту «цветные сны».

Родители, как тогда было принято говорить, простые советские люди. Мать работала на хлебозаводе, отец – на ликеро-водочном. Сыну в его стихах-видениях, стихах-снах мать видится на пороге барака с остановившимися навечно часами, а отец – будто летящим на лодке, поющим. Его образ будто всплывает на фоне родного Яндомозера: «Посмотришь издали – к воде дома прижались, / А ближе – выростали из воды». И опять дым, «...синий дым / Субботних бань...», будто завеса, скрывающая, отвергающая реальную картину смерти отца. Его убили бродяги: надеялись поживиться, а денег-то у старика и не было...

Но... пойдём дальше: читаем и перечитываем стихи и слушаем Анну Александровну. Даже при беглом чтении ощущаешь, насколько близки Васильеву водные образы, и это не случайно: он окончил Петрозаводское речное училище, именно тогда, будучи курсантом, опубликовал первые стихи в многотиражке «Водник Карелии». Ушёл в море. Из-за чего случилась тогда (или позже) драка на корабле, Анна Александровна то ли не знала, то ли не стала вдаваться в подробности. А про то, что отца судили и посадили, сказала. Стихи Васильев не датировал: тогда или позднее родилось его «Подражание Вийону», неважно, главное – осознанная им родственность судеб: тюрьма везде тюрьма, что во Франции, что в Карелии:

*В моей темнице есть окно,
Люблю его рисунок чёткий!
Но непонятно лишь одно:
Я или солнце за решёткой.*

И, увы, это не последняя встреча с ней. В плавань «с пятном» в трудовой книжке не возьмут – другой профессии нет. Работал дворником, сторожем, кладовщиком. В общем, как написал сам, «сменил полтора десятка профессий... Делал то, что не хотел». В лихие 1990-е зарплату не получали месяцами, а у поэта двое детей во втором браке и дочь от первого брака. И хотел бы Васильев, да не мог выплатить положенные на ребёнка алименты. И тогда его работодателем становилась... тюрьма. Сажали, работал и погашал этот долг, а в придачу заполучил туберкулёз. Хотя под пером поэта и страшная болезнь становится всего лишь материалом для стихотворения:

*Что написано палочкой Коха
На скрижалях судьбы твоей – знай:
«Остающимся жизни Голгофа,
Уходящим возможен Синай».*

Понимаем, как несладко приходилось пациенту Васильеву. Однако сумел-таки отвоевать у судьбы лет 20. Как знать, не вымолил ли он эти годы ещё тогда, когда принял таинство крещения в один день с сыном, невольно став тому отцом и братом. Именно тогда он испросил у Господа и младенца силу: «Дай, Боже, до своей могилы / Пройти с Тобою до конца. Мой сын, мой брат! Ты дай мне силы / Жить братом, пережив отца».

Сила для поэта – Слово. Васильев, как бы ни было тяжело, писал и мало-помалу печатался в газетах республиканского и общероссийского уровня, а также в журналах «Молодая гвардия», «Север», в коллективных сборниках «Первоцвет» и «Любимое и безответное», в альманахе «Молодой гений», в антологии поэзии Карелии «Дерево песен». А вот с изданием книги не получалось. Помогли друзья, Владимир Судаков и Дмитрий Вересов, – составители сборника стихов поэтов Карелии «Волны трав» (Петрозаводск, 1998). Они сделали для друга исключение, предоставив Александру Васильеву возможность публикации не двух-трёх текстов, как большинству авторов, а целой книги стихов «Восстань, душа!» (68 названий), что позволило ему в 2002 году вступить в Союз писателей России. Случай крайне редкий: обычно туда принимают при наличии минимум двух книг. Правда, ни в 1990-е, ни позднее поэзия денег ему не принесла, но занять достойное место в обществе – дорогого стоит: о тебе пишут, говорят. Карельское региональное отделение СП России не раз поощряло А.П. Васильева: благодаря его рекомендации он получил государственную стипендию, а в 2011 году выиграл конкурс издательских проектов, проводимый Министерством культуры Республики Карелия, и издал книгу стихов «Имени Твоему...» (Петрозаводск, 2011. 96 с.), куда вошли его известные и новые стихи. В 2013 году правление КРО СП России выдвинуло эту книгу на соискание Премии главы Республики Карелия «Сампо». Премию получил другой претендент. Конечно, Александру Петровичу было обидно, но всё же он был номинирован, что, безусловно, свидетельствует о признании коллегами и читателями его таланта. Не о каждом собрат по перу скажет так, как написал о нём Александр Воронин: «От многомерности, многоплановости иных строк и образов порой захватывает дух... В стихах Александра Васильева присутствуют воздух, пространство, целые миры. Казалось

бы, несколько строчек, но они – как волшебная дверь, за которой таится ещё одна вселенная, не обязательно счастливая и феерическая, но, без сомнения, живая». И рецензент на примере, казалось бы, такого простого стихотворения, как «На окраине столицы», показывает воссозданный поэтом мир двух синичек и мир двух одиноких, хотя и проживающих вместе людей.

Да, у Васильева редкий дар, дар большого поэта через чеканную простоту стиха передать трагический смысл бытия целого народа и одного человека. Его талант обрёл зрелость в эпоху безвременья, которую он воспринимал и конкретно исторически, и как эпоху эсхатологической битвы со вселенским злом, в которой победа будет одержана, если душа русская возродится. Именно душа, её бессмертное начало и дарует человеку соприкосновение с Богом. Осознаёт или не осознаёт это человек, но живёт он не только в своём биографическом времени, а в контексте большой истории, и ему бы стоило вслед за поэтом поразмышлять над вопросом, почему эпоха надежд обернулась «смутным временем» 1990-х годов и продлилась в 2000-х, почему на Руси трудно постичь истоки победы («И взлет Руси на поле Куликовом не повторить и трудно объяснить...») и, наоборот, легко понять нашествие самозванцев и власть тиранов. Как и его великий предшественник Николай Клюев, Васильев находит, что Россию губит «соль неверия». Почему она, эта «соль», разъедает умы и души? В видениях его лирического героя всплывают картины, как мечом крестили Русь и тем самым навсегда соединили молитву и нож (см.: «Молитва кануна Смуты», «Монолог Самозванца» и др.). Может, ответ таится здесь? Личная история человека, история народов и священная история переплетаются в стихах Васильева, поэтому так символичен его «автопортрет».

*На распутье стоят зеркала,
чтоб вторую тропу спутать с первойю.
Подойду никакого числа,
прочитаю и «Кредо», и «Верую».*

*В зеркалах не увижу лица,
только белое – будто в морге я.
Я – рождённый под знаком Тельца,
накануне Святого Георгия.*

Размышляя о сакральной сути даты своего рождения, поэт осознаёт, что он пришёл в мир, которым постепенно овладевает Змий, вселенского зла оли-

цетворение. Он силен тем, что способен подменить истинные ценности на ложные («В поле камень»). Уверуешь в Змия и станешь тельцом, не созвездием Телец, а яством, что вкушают, тельцом, которого приносят в жертву: «Не о тебе ли заповедь шестая? Зачем ты, жертва, плачешь о другом?»

Почему так трагически поэт воспринимает своё земное бытие? Если его предшественники, даже будучи «на распутье» эпох, не сомневались, что поэт в России был и есть пророк, то в финале XX века Васильев ощущает себя иначе: «Незванный, я у времени в гостях», «подкидыв, изгой и бастард», «Из толпы случайный понятой», «чужой». Да, его судьба, мягко говоря, не баловала, но дело не только и не столько в этом: Россия, как ни горько это принять, постепенно перестает быть «литературной цивилизацией», потому-то читатели слушают, да не слышат поэта.

Есть ли в российской истории то истинно ценное, что вселяет надежду? В жизни народа – это Победа «в той войне далёкой»: «Мы верим, что Россия сыновей / Посмертно всех Победой наградила ... / Не дай нам Бог Победу проиграть». Поэтому, если ты – христианин, то не можешь отказать себе в праве на будущее («Но верю я, что на моих костях / Поставят храм неведомые внуки»), не можешь отнять у человека веру в свет Прощёного Воскресения. А коли ты способен простить, то покинешь мир в любви к ближнему: «Святая ночь! Прощание, прощение – / два слова рядом, будто две свечи. ...Я две свечи поставил и – забыл. / Той женщине, которая любила, / и женщине, которую любил.

*Умру легко (как будто – уснула).
И под руку пройдут среди могил
та женщина, которая любила,
и женщина, которую любил.*

Если жива любовь, значит, святой Егорий (так зовут Победоносца в русских духовных стихах) вновь пришёл на нашу землю, но не с мечом! – а с крестом! (так сказано в древних стихах), и Россия постепенно обретает прежнюю святость. Тогда с чистой душой можно и уйти в мир иной... Александр Петрович Васильев покинул нас 26 сентября 2020 года, в Предпразднство Воздвижения Креста Господня (символа спасения нашего).